

ПРАВО ОСТАТЬСЯ

ДАНИЭЛА ГЕРЦ

Даниэла Герц

Право остаться

«Автор»

2026

Герц Д.

Право остаться / Д. Герц — «Автор», 2026

Каждые семь лет дети должны выбрать, с кем из родителей они останутся. Один ребёнок, два ключа, две двери — и только одно решение, которое общество признаёт правильным. Когда-то эта система положила конец бесконечным семейным войнам и дала детям право самим определять свою судьбу. Ника верила в справедливость выбора, пока в архиве не обнаружила запись, которой не должно существовать. Расследование приводит её к тайне, способной разрушить не только главный закон страны, но и всё, что она знала о собственном детстве. Теперь Нике предстоит решить, что важнее: сохранить порядок, защищающий тысячи семей, или вернуть людям правду, после которой ни один родитель и ни один ребёнок уже не смогут жить по-прежнему. «Право остаться» — психологическая антиутопия о любви, превращённой в выбор, о памяти, которую можно переписать, и о праве человека не соглашаться ни с одним из предложенных вариантов.

© Герц Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Даниэла Герц

Право остаться

АНТИУТОПИЧЕСКИЙ РОМАН

ПРАВО ОСТАТЬСЯ

Роман

Полная авторская редакция

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Глава 1

— Скажите мне только одно: он выбрал их или просто не выбрал нас?

Женщина произнесла это без слёз. Плакать она закончила раньше, в коридоре, и теперь сидела прямо, положив ладони на серую папку, которую ей выдали при входе. На обложке было написано имя её сына — Лукас Эрн, десять лет, — но она держала папку так, будто имя могло выпасть.

Ника Вейр не ответила сразу.

Комната перехода была устроена так, чтобы ни один предмет не давал преимущества человеку за столом. Два одинаковых кресла, низкое окно, часы без секундной стрелки. Даже дверь открывалась наружу в обе стороны. Архитекторы называли это пространством равного решения. Родители — комнатой, где у них отнимают детей.

— Он подтвердил другую семью, — сказала Ника.

— Я умею читать.

Женщина толкнула папку через стол. Внутри лежало уведомление из четырёх строк. Имя ребёнка, дата, начало Периода тишины и номер сотрудника, которому запрещалось отвечать на единственный вопрос, имевший значение.

— Тогда что вы хотите узнать?

— Было ли там поле «остаться»?

— Разумеется.

— И он его видел?

— Да.

— Сколько времени он думал?

Ника посмотрела на часы. Не потому, что торопилась. Вопросы о времени выбора считались попыткой восстановить ход мысли ребёнка, а ход мысли был защищён законом так же строго, как медицинская тайна.

— Я не имею права обсуждать процедуру.

— Вы не имеете права обсуждать моего сына.

— Сейчас — нет.

Женщина усмехнулась. Её звали Эмма Эрн. В анкете было указано: тридцать шесть лет, бухгалтер в транспортной компании, разведена, одно дисциплинарное замечание из школы — забрала у сына телефон на три дня вместо разрешённых двух. Коэффициент сохранения семьи до сегодняшнего утра: сто процентов.

— «Сейчас», — повторила Эмма. — Как будто через тридцать дней он вернётся и объяснит.

— Через тридцать дней он сможет связаться с вами, если захочет.

— А если не захочет?

Ника знала правильный ответ. Она произносила его семь лет, сначала в районной службе, потом в Северном управлении, затем перед парламентской комиссией. Правильные ответы хороши тем, что не меняются от того, кому от них больно.

— Тогда мы обязаны защитить и это решение.

Эмма медленно убрала руки с папки.

— Вчера он попросил меня подстричь ему ногти. Сам до сих пор криво режет на правой руке. Я сказала: после ужина. Потом мы поссорились из-за посуды. Я не подстригла. — Она посмотрела на свои ладони, словно ножницы всё ещё были в них. — У этих людей в инструкции написано, как он режет ногти?

— Принимающей семье передают сведения о здоровье и бытовых потребностях.

— Бытовые потребности. Хорошо.

— Эмма, сегодня вам не нужно понимать его решение. Сегодня нужно сделать так, чтобы он не отвечал за вашу боль.

— А кто отвечает?

В этом месте родители обычно повышали голос. Эмма не повысила. Нике пришлось наклониться, чтобы расслышать.

— Мы можем назначить вам сопровождающего психолога.

— Значит, никто.

Она встала. Серую папку оставила на столе.

— Возьмите её, пожалуйста. Там правила контакта и порядок передачи вещей.

— Я знаю правила. В школе мы сдаём по ним экзамен каждые два года. Чтобы случайно не испортить детям свободу.

У двери Эмма остановилась.

— У вас есть дети?

Ника могла не отвечать. Личные вопросы сотруднику разрешалось оставлять без комментария. Но на стене за её спиной висела фотография с прошлогоднего Дня выбора: Ника, Томас и Лея стояли на ступенях школы, у Леи на запястье была белая лента подтверждения. Эмма уже увидела.

— Дочь. Двенадцать лет.

— Сегодня тоже выбирает?

— Как и все.

— И вы спокойно сидите здесь?

Ника посмотрела на часы ещё раз. До закрытия кабин оставалось сорок три минуты.

— Если право существует только для чужих детей, это не право.

Эмма кивнула. Не соглашаясь — запоминая.

— Надеюсь, вы сегодня тоже будете последовательны.

Дверь качнулась за ней и вернулась в прежнее положение. Ника подняла папку, догнала Эмму в коридоре и всё-таки заставила взять документы. Потом подписала завершение встречи, отметила отсутствие угроз и попросила секретаря отменить оставшиеся два приёма.

— Что-нибудь случилось? — спросил секретарь.

— День выбора.

Он улыбнулся с тем облегчением, которое взрослые позволяли себе, пока речь шла о благополучных семьях.

— Лея опять заставляет вас нервничать?

— Она никогда не заставляет меня нервничать.

Слова прозвучали неправильно. Будто это было достоинством дочери.

Ника закрыла кабинет и пошла к лестнице. Лифтом в День выбора она не пользовалась: слишком многие сотрудники задерживали её между этажами, чтобы показать фотографии белых лент на детских запястьях. Внизу, у стеклянных дверей, волонтеры складывали в коробки нераспечатанные наборы для семей, сохранившихся ещё на год: чай, сладкий хлеб, две свечи и карточка с фразой «Спасибо, что выбрали друг друга».

На улице начинался дождь. На фасаде управления висел портрет девятилетней Ники — короткая стрижка, упрямо сжатый рот, чужой свитер с длинными рукавами. Снимок сделали через неделю после её перехода в семью Хольтов. Под ним шла надпись:

«ПЕРВОЕ ДА — ДОЛЖНО ПРИНАДЛЕЖАТЬ РЕБЁНКУ».

Каждый август портрет заменяли новым, потому что солнце выедало девочке глаза.

Ника не любила эту фотографию, но никогда не просила её снять.

До школы Леи было двенадцать минут пешком. Она прошла их за девять. Родители уже собирались у бокового выхода, хотя приближаться ближе чем на пятьдесят метров запрещали жёлтые линии на тротуаре. Кто-то держал цветы. Кто-то — свёрнутую белую ленту, пригото-

ленную заранее. Отец двух близнецов раздавал бумажные стаканчики с кофе и повторял всем, что совершенно спокоен.

Ника остановилась за линией.

Томаса не было.

Она достала телефон. Сообщение от него пришло семь минут назад.

«Я дома. Позвони, когда увидишь её».

Ника набрала номер, но не успела коснуться кнопки вызова. Двери школы открылись.

Дети выходили по одному. Белые ленты нельзя было прятать под рукавом — это считалось заботой о родителях за счёт других детей. Первой появилась девочка лет девяти. Её мать вскрикнула, увидев белую полоску, и тут же закрыла рот обеими руками, словно радость тоже могла быть давлением.

За ней вышли ещё трое. Потом двое братьев: младший с белой лентой, старший без неё. Они держались за руки до жёлтой линии. Там сотрудник мягко развёл их в разные стороны.

Ника перестала искать Лею среди лиц и стала смотреть на запястья.

Школьные часы над дверью показали пять. Кабины закрылись.

Из здания вышла директор, поговорила с дежурным и направилась к Нике. В руках у неё не было белой ленты.

Был только серый конверт.

Глава 2

На конверте ошиблись в одной букве.

«Нике Вейр и Томасу Сенну, законным взрослым Леи Вейр».

Не «родителям». Это слово убрали из уведомления сразу после подтверждения другой семьи, чтобы документ не противоречил новому статусу ребёнка. Ника сама утверждала эту редакцию. Теперь ей хотелось позвать директора и потребовать правильный бланк, где хотя бы фамилия Томаса была написана без лишней буквы.

— Мне очень жаль, — сказала директор.

— Не говорите этого у выхода.

— Конечно.

— И не смотрите на окна. Дети видят.

Директор опустила глаза. На ней была синяя брошь участника реформы — раскрытая ладонь с пустым центром.

— Вы хотите пройти в комнату сопровождения?

— Нет.

— Кто-нибудь может вас забрать?

— Я живу в семи минутах отсюда.

— В вашем состоянии лучше не идти одной.

Ника посмотрела на неё. Директор поняла ошибку: оценивать состояние прежнего родителя имели право только сотрудники перехода. Ещё утром Ника сама была таким сотрудником.

— Я открою конверт дома.

— Разумеется.

— Лея уже уехала?

Директор молчала ровно столько, чтобы ответ стал очевидным.

— Вы знаете, что не можете этого сообщить.

— Я спросила, уехала ли она, а не куда.

— Период тишины начался в момент подтверждения.

Ника почувствовала, как в ней поднимается профессиональная злость — холодная, пригодная для составления жалоб. За неё можно было держаться.

— В момент подтверждения начинается запрет контакта. Но транспортировка остаётся административным фактом.

— Ника.

Директор впервые назвала её по имени.

За жёлтой линией люди старались не смотреть. Отец близнецов больше не раздавал кофе. Старший сын сидел в машине службы, младший прижимался к коленям матери. Она держала его за плечи слишком крепко, но сегодня никто не сделал ей замечания.

— Передайте ей, что дома осталась синяя тетрадь, — сказала Ника. — Она готовилась по ней к экзамену.

— Я не могу передавать сообщения.

— Это учебная вещь.

— Вы сможете положить её в контейнер передачи. Завтра с десяти до двенадцати.

— Экзамен завтра в девять.

Директор подняла глаза. В них появилось то выражение, которое Ника ненавидела у сотрудников: сочувствие, замаскированное под соблюдение процедуры.

— Тогда принимающая семья решит вопрос.

Принимающая семья.

Два слова сделали то, чего не смог серый конверт. Ника поняла, что сегодня вечером кто-то спросит Лею, какой чай она пьёт. Кто-то покажет, где лежат полотенца. Кто-то произнесёт: «Можешь не называть нас никак, пока не захочешь», — эту фразу рекомендовали в первые сутки. Лея кивнёт, потому что всегда кивала, когда взрослые слишком старались.

Ника развернулась и пошла домой.

На углу продавали белые ленты. Завтра их вплетут в волосы, привяжут к рюкзакам, оставят на дверных ручках. Для семей, которые сохранились, день продолжится ужином. Для остальных город приготовил специальные маршруты транспорта, круглосуточные консультации и скидку на гостиницу, если прежним родителям тяжело ночевать в пустой квартире.

Ника семь лет объясняла, что это не пустая квартира. Из дома уходил человек, а не смысл дома.

Теперь она ускорила шаг.

Томас сидел на кухне. Перед ним стояли три тарелки, хотя они договорились никогда не накрывать стол заранее в День выбора. Суеверие считалось скрытой формой ожидания, ожидание — давлением. Третья тарелка была Леина, с тонкой трещиной по краю. Томас прикрыл её салфеткой.

— Ты знал, — сказала Ника.

Он посмотрел на конверт в её руке.

— Нет.

— Почему ты не пришёл?

— Она попросила.

Ника положила конверт на стол.

— Когда?

— В воскресенье.

— Что именно попросила?

— Чтобы я не стоял у выхода.

— А меня она попросила?

— Я не знаю.

— Ты мог спросить.

— Это был бы вопрос о её выборе.

— Не смей цитировать мне закон.

Томас снял салфетку с третьей тарелки, сложил её пополам и положил рядом. Он делал всё медленно. Так он двигался в палате, когда родственники пациента начинали кричать.

— Она спросила, считаю ли я, что человек может любить семью и всё равно уйти.

— И что ты сказал?

— Да.

— Почему ты мне не рассказал?

— Потому что она попросила не рассказывать.

— Она ребёнок.

— Сегодня утром ты говорила по радио, что двенадцатилетний человек достаточно взрослый, чтобы решить, с кем ему жить.

— Я говорила о праве. Не о том, что родители должны перестать быть родителями до решения.

— А что бы ты сделала?

— Поговорила бы с ней.

— О чём?

— О нас. О том, чего ей не хватает. О том, что можно исправить.

— До того, как она проголосует?

Ника отодвинула стул, но не села.

— Именно поэтому родители должны знать, что происходит с их детьми.

— Ты бы не давила?

— Нет.

Томас посмотрел на неё. Он ничего не сказал, и это было хуже ответа.

Ника взяла нож и вскрыла конверт по верхнему краю. Внутри находились уведомление, памятка о Периоде тишины и отдельная карточка с именами принимающих взрослых. Раньше карточки не было. Ника добилась её введения после случая, когда мать трое суток не знала, к кому перешёл её сын, и пыталась искать его по больницам.

Она прочитала имена.

Алина Рааль.

Йоран Рааль.

Адрес был скрыт до окончания Периода тишины. Ника перечитала фамилию.

— Ты их знаешь? — спросил Томас.

— Нет.

Это было правдой. Она не знала этих людей.

Но восемь лет работы научили её замечать не память, а сопротивление памяти. Фамилия не казалась знакомой. Она казалась уже однажды забытой.

Ника открыла служебное приложение. На экране появилось предупреждение: «Доступ к делу собственного ребёнка является конфликтом интересов». Ниже были две кнопки — «Закрыть» и «Сообщить о неотложном риске».

Она нажала «Закрыть».

Потом снова ввела фамилию Рааль.

— Ника, — сказал Томас.

— Я только проверю лицензию.

— Ты знаешь, что не имеешь права.

— Я имею право знать, живёт ли моя дочь у людей, которым разрешено принимать детей.

— Если им не разрешено, система не дала бы их выбрать.

— Систему делают люди.

— Сегодня утром ты говорила другое.

Она ввела код неотложного риска. Приложение потребовало описать угрозу. Ника написала: «Возможная нераскрытая связь принимающей семьи с сотрудником службы». Формально это было верно. Связь существовала, даже если она пока не знала какая.

Карточка открылась.

Фотография была сделана на веранде. Алина Рааль сидела на ступеньке, Йоран стоял за её плечом. Они не улыбались широко, как большинство кандидатов. Между ними оставалось свободное место — не приглашение и не пустота, просто место, где мог сесть ещё один человек.

Ниже шли стандартные сведения: возраст, профессии, площадь дома, отсутствие текущих детей, лицензия возобновлена одиннадцать месяцев назад.

В самом конце мигал закрытый раздел.

«Предыдущий переход: завершён. Несовершеннолетний Э. Рааль. Куратор решения — Н. Вейр».

Томас прочитал через её плечо.

— Ты сказала, что не знаешь их.

— Не знаю.

— Тогда кто такой Э. Рааль?

Ника смотрела на собственную электронную подпись под строкой восьмилетней давности.

— Не помню.

В комнате Леи за стеной зазвонил будильник. Она ставила его на семь вечера, чтобы кормить рыбу.

Будильник звонил долго. Ни Ника, ни Томас не пошли выключать.

Глава 3

У Раалей не было рыбы.

Лея заметила это сразу, хотя никто не обещал аквариума. В каталоге семьи указывали животных, растения и даже аллергию соседей, но не обязаны были перечислять то, чего в доме нет. И всё же отсутствие рыбы показалось ей первым нарушением сходства между жизнью, которую она представляла, и жизнью, куда приехала.

Вторым была ванная.

На фотографии она выглядела белой. В действительности плитка оказалась жёлтой, с тёмными швами, а кран нужно было повернуть сначала вправо, потом чуть вернуть, иначе вода дрожала в трубах. Алина показала это один раз и не спросила, запомнила ли Лея.

— Полотенца здесь. Новая щётка в стакане. Если не нравится жёсткость, завтра купим другую.

Щётка была зелёная. Лея всегда выбирала синие.

— Нормальная.

— Хорошо.

Алина не сказала: «Можешь не называть нас никак». Возможно, забыла инструкцию. Возможно, считала, что Лея её знает. Все дети знали первые фразы принимающих родителей ещё до того, как умели делить столбиком.

В коридоре Йоран поставил её чемодан у комнаты и спросил:

— Голодная?

— Нет.

— Мы будем есть через двадцать минут.

Он не предложил выбрать ужин. В рейтингах принимающих семей отдельной строкой оценивалась гибкость первого дня: ребёнку полагалась еда, которую он назовёт. Лея читала истории о блинчиках в полночь, о пяти видах мороженого, о манго, которое зимой привезли из другого города. Она заранее решила попросить обычный хлеб с сыром, чтобы не показаться избалованной.

Йоран готовил чечевицу.

От лука щипало глаза. Лея села на край дивана и положила телефон рядом. Экран был пуст. В Период тишины номера прежней семьи блокировались автоматически, но остальные сообщения приходили. Одноклассники пока не писали. Скорее всего, родители запретили им спрашивать до утра.

На книжной полке стояла фотография мальчика лет тринадцати. Худой, светловолосый, он смотрел не в камеру, а на Алину, которая смеялась чему-то за кадром. Каталожная анкета не упоминала детей. В графе «состав текущей семьи» значились двое взрослых.

— Это Эмиль? — спросила Лея.

На кухне перестал стучать нож.

Йоран вышел первым.

— Откуда ты знаешь это имя?

Лея поняла, что ответила неправильно ещё до того, как открыла рот. Нужно было сказать: видела в архиве школы. Это была бы часть правды. Вместо этого она посмотрела на закрытую дверь в конце коридора.

— Я читала вашу полную анкету.

— У детей нет доступа к полным анкетам, — сказал Йоран.

— У нас есть доступ к тому, что касается безопасности выбора.

— Эмиль не касается твоей безопасности.

Алина появилась за его спиной, вытирая руки о полотенце.

— Ещё как касается.

Йоран обернулся к ней.

— Мы договаривались.

— Мы договаривались не начинать с него сами.

— Она здесь десять минут.

— Двадцать три, — сказала Лея.

Они оба посмотрели на часы. Лея пожалела, что поправила. Мама говорила, что точность полезна только тогда, когда помогает человеку, а не когда показывает, что ты умнее.

Алина села в кресло напротив.

— Эмиль был нашим сыном. В тринадцать лет он выбрал другую семью.

— Почему?

— Ты имеешь право спросить. Мы имеем право не отвечать в первый вечер.

— Хорошо.

— Ты разочарована?

— Нет.

— Это тоже можно не отвечать.

Лея кивнула.

Из кухни пахло подгоревшим луком. Йоран вернулся к плите, выключил огонь и открыл окно.

— Ты выбрала нас из-за Эмиля? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет.

— Тогда почему?

— Йоран, — сказала Алина.

— Мы имеем право понимать, кто будет жить в нашем доме.

— Она уже живёт.

— Я выбрала вас из-за одного ответа, — сказала Лея.

Йоран закрыл окно. На улице шёл дождь, и вода успела намочить подоконник.

— Какого?

Лея знала анкету почти наизусть. Вопрос стоял ближе к концу, после правил пользования телефоном и отношения к школьным оценкам. Большинство семей отвечали на него одинаково: обсудим причины, обратимся к специалисту, поддержим адаптацию, напомним о ценности принятого решения.

Раали написали семь слов.

— Что вы сделаете, если я захочу домой?

Алина посмотрела на Йорана. Он отвернулся.

— И что мы ответили? — спросила она.

— Что отвезёте меня сами.

В доме стало тихо. Не официально тихо, как в школьной кабине, где стены поглощали голос. Здесь было слышно, как остывает конфорка и по водосточной трубе стекает дождь.

Алина положила ладони на колени.

— Да.

— Это правда?

Йоран резко провёл рукой по мокрому подоконнику.

— Твоя мать знает, что ты читала про Эмиля?

— Нет.

— Ты когда-нибудь говорила с ней о том, что хочешь уйти?

— Нет.

— Почему?

Лея посмотрела на зелёную зубную щётку, видную из ванной. Уже сейчас можно было сказать, что она передумала. Это не имело юридической силы, но Алина и Йоран могли сообщить о кризисе адаптации. Специалист приехал бы ночью. Утром началось бы рассмотрение. Мама нашла бы способ.

В этом Лея не сомневалась.

— Потому что она бы всё исправила.

— Разве это плохо? — спросил Йоран.

— Она исправила бы меня раньше, чем поняла бы, что случилось.

Алина закрыла глаза. Всего на секунду, но Лея увидела.

— Ужин сторел, — сказала Алина. — Придётся заказать что-нибудь.

— Мне всё равно.

— Нам нет. Выбирай.

Лея открыла рот, чтобы попросить хлеб с сыром, и неожиданно заплакала.

Никто не подошёл её обнимать.

Йоран принёс полотенце с подоконника и положил рядом. Алина сидела напротив. Они ждали, не делая её слёзы ни доказательством ошибки, ни обещанием, что всё будет хорошо.

Через несколько минут Лея взяла телефон и открыла заметки. Там оставалась незаконченная строка, написанная утром перед школой:

«Если мама спросит, передайте, что она не сделала ничего такого».

Лея перечитала её и удалила.

Теперь эта фраза казалась жестокой.

Но другой у неё не было.

Глава 4

Рыбу звали Мел.

Ника вспомнила это в половине третьего ночи, когда сидела в пустом управлении и читала карточку семьи Рааль в третий раз. Не имя мальчика, не решение, которое она подписала восемь лет назад, — рыбу.

Эмиль принёс её на первую встречу в стеклянной банке из-под варенья. Серебристый хвост занимал половину воды. Мальчик поставил банку на стол и сказал, что не оставит животное людям, от которых собирается уйти. Ника объяснила, что переход нельзя использовать для наказания прежней семьи и что имущество передаётся только после подтверждения выбора.

— Это не имущество, — ответил Эмиль. — Это Мел.

Ника разрешила оставить банку в кабинете до конца процедуры. К вечеру рыба перестала двигаться. Сотрудница архива нашла пластиковый контейнер, отстояла воду, и Мел прожил ещё два года в комнате перехода. Дети иногда спрашивали, почему на аквариуме написано чужое имя.

Ника ни разу не объяснила.

Она открыла раздел «Предыдущие несовершеннолетние». Экран снова потребовал дополнительное основание. Код неотложного риска, которым она воспользовалась дома, давал доступ к действующей лицензии, но не к закрытому делу Эмиля.

Внизу карточки стояла жёлтая отметка:

«Неполное раскрытие семейной истории. Устранено».

Дата устранения — одиннадцать месяцев назад. Под отметкой — фамилия инспектора Северного управления и электронная подпись Ники.

Она не помнила и этого.

Одиннадцать месяцев назад управление рассмотрело шестьсот семьдесят заявлений. Ника подписывала итоговые протоколы после двух сотрудников: проверяющего и руководителя сектора. Если оба ставили зелёную отметку, дело попадало к ней в папку пакетного подтверждения. Двадцать, иногда тридцать семей за один раз. Система выделяла отклонения. Жёлтые требовали открыть карточку отдельно.

Ника нажала на свою подпись.

Открылся журнал действий. Проверка проведена в 22:14. Карточка просмотрена четыре секунды. Подпись поставлена в 22:15.

Четыре секунды.

Она вспомнила тот вечер: бюджетное слушание, сломанный принтер, Лея звонила из школы и просила забрать её после репетиции. Ника опоздала на сорок минут. Лея сидела на подоконнике у охраны и делала вид, что читает.

В журнале не было ни одного нарушения. Ника имела право доверять двум проверкам. Именно для этого существовало распределение ответственности.

Она снова открыла жёлтую отметку.

«Принимающие взрослые не указали факт завершённого перехода несовершеннолетнего члена семьи в первичной анкете. Обстоятельство раскрыто при перекрёстной проверке. Прямых ограничений к лицензированию не выявлено».

Подробности были скрыты.

Ника составила запрос на экстренный пересмотр лицензии. В поле «Новые обстоятельства» написала: «Собственный ребёнок сотрудника выбрал указанную семью».

Система выделила фразу красным.

«Не является риском».

Она удалила строку и попробовала снова: «У сотрудника возникло воспоминание о незафиксированном эпизоде при предыдущем переходе».

«Опишите эпизод».

Ника написала про рыбу.

Несколько секунд курсор мигал после слова «Мел». Потом запрос исчез, не сохранившись. На экране появилось имя Мары Вейт.

Мара звонила по внутренней линии, хотя находилась в другом конце города.

— Ты в управлении, — сказала она вместо приветствия.

— Очевидно.

— Служба безопасности получила два уведомления о доступе к семейной карточке Раалей.

— Второй доступ был служебным.

— Первый тоже был служебным. Просто не твоим.

Ника откинулась на спинку кресла. На окнах отражались ряды пустых столов. Ночью управление выглядело так, как будто люди ушли не домой, а окончательно.

— Лицензия подписана мной.

— Ты не можешь её пересматривать.

— Я могу сообщить о риске.

— Рыба не риск.

— Ты видела запрос?

— Я вижу всё, что руководитель управления пишет в закрытом деле собственной дочери.

Ника закрыла карточку. Было поздно делать вид, что она подчинилась.

— Почему Раалям вернули лицензию?

— Потому что комиссия решила вернуть.

— После чего?

— Не после чего. На основании чего.

— Мара.

— Завтра в девять ты дашь короткое заявление. Подтвердишь, что выбор Леи прошёл законно, что Период тишины соблюдается и что твоя должность не даёт тебе преимуществ перед другими родителями.

— Я не прежний родитель.

Слова вырвались раньше, чем Ника успела их проверить.

Мара молчала.

В законе использовалось именно это выражение. «Прежний взрослый» — после перехода. «Прежняя семья» — после тридцати дней. Слово «родитель» не меняло времени, поэтому его избегали.

— Нет, — сказала Мара. — Пока ещё нет. Поэтому уходи домой.

— Я хочу увидеть дело Эмиля.

— Не увидишь.

— Я вела его переход.

— И потому тем более не увидишь. Ты не вспомнила дело до фамилии дочери. Сейчас ты ищешь не правду об Эмиле. Ты ищешь неисправность, через которую можно вернуть Лею.

Ника встала. Разговор по внутренней линии записывался, и ходить по кабинету было бессмысленно, но сидеть она больше не могла.

— А если неисправность есть?

— Тогда её найдёт человек, которому не нужно, чтобы она существовала.

— Лея могла видеть сведения об Эмиле?

— Дети получают данные, относящиеся к безопасности выбора.

— Я утверждала перечень. Завершённый переход прежнего ребёнка туда не входит.

— Перечень изменили в прошлом году.

— Почему?

— После пересмотра дела, которое тебе сейчас нельзя читать.

Мара отключилась.

Ника осталась стоять с телефоном у уха. На экране снова появилась карточка Раалей. В правом верхнем углу мигал новый знак — доступ ограничен до завершения проверки конфликта интересов.

Она успела сделать только одно.

Переписала на ладонь номер прежнего дела Эмиля.

Чернила размазались на последней цифре.

Глава 5

В школе Лее предложили другое место.

Её парта стояла у окна, рядом с Диной Мор. Они сидели вместе с третьего класса и менялись местами каждую пятницу, потому что Дина любила батарею, а Лея — смотреть на спортивную площадку. Сегодня на столе лежала синяя карточка:

«В первые пять учебных дней после перехода ребёнок вправе выбрать нейтральное место».

Свободная парта находилась у двери. На ней не было ни царапин, ни оставленного кем-то карандаша, ни надписи под крышкой. Лея могла сесть туда, чтобы одноклассники не считали её прежним человеком только потому, что она осталась на прежнем месте.

Она убрала карточку в рюкзак и села рядом с Диной.

— Привет, — сказала Дина.

— Привет.

— Я не буду спрашивать.

— Хорошо.

— Мне мама запретила.

— Хорошо.

Дина достала учебник и положила ровно по линии между половинами стола.

— Но ты можешь сама рассказать.

— Не хочу.

— Я и не прошу.

Первый урок был историей семьи. В обычную неделю предмет назывался обществоведением, но после Дня выбора программу меняли, чтобы дети не обсуждали переходы без общих понятий. Учитель писал на доске определения: «семейная принадлежность», «подтверждение», «переход», «прежняя связь».

Лея переписывала медленно. У Раалей она оставила синюю тетрадь, купленную Алиной утром. Обложка была без рисунка. Мама всегда брала тетради с тонкой сеткой: говорила, что по ней легче понять, когда строчка начинает падать.

На словах «прежняя связь» рука действительно ушла вниз.

— Лея, — сказал учитель.

Класс замолчал.

— Да?

— Ты вправе выйти в комнату восстановления.

— Я не хочу.

— Это не просьба выйти. Это напоминание о праве.

— Тогда спасибо.

Несколько человек опустили головы. Дина подвинула учебник на два пальца в сторону Леи, нарушив линию.

После урока у двери ждал проводник перехода — худой парень в серой школьной куртке. На рукаве у него было вышито имя: Иво.

— Ты Лея Вейр?

— Да.

— Я твой проводник на Период тишины.

— Мне не нужен.

— Это можно решить после первой встречи. Первая обязательна.

Он выглядел старше большинства проводников. Обычно эту работу давали пятнадцатилетним, которые сами пережили переход не меньше двух лет назад. Иво могло быть семна-

дцать. На запястье он носил две тонкие белые ленты, старую и новую. Лея никогда не видела, чтобы их сохраняли: каждый год полагалось снимать прежнюю.

— Почему две?

Он посмотрел на ленты.

— Одна напоминает, что я выбрал. Другая — что потом не передумал.

— А если передумал бы?

— Тогда пришлось бы ждать.

Он сказал это без интонации. Как правило, которое не любил, но не собирался обсуждать в коридоре.

Они сели в пустом классе музыки. Иво не достал анкету и не спросил, как прошла ночь.

— Три вещи, — сказал он. — Тебя не обязаны благодарить за выбор. Ты не обязана доказывать, что новая семья лучше. И ты не должна объяснять прежним взрослым, почему ушла.

— Я знаю.

— Все знают. Потом всё равно делают.

— Что?

— Начинают собирать обвинение. Потому что без обвинения кажется, будто уйти нельзя.

Лея посмотрела на пианино. На крышке кто-то оставил след от стакана, и учитель обвёл его мелом, чтобы потом выяснить, кто виноват.

— Моя мать не плохая.

— Я не спрашивал.

— Все будут думать.

— Будут. Потом привыкнут.

— А она?

Иво потёр старую ленту большим пальцем.

— Она будет искать причину, которую можно исправить.

Лея подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она вела мой переход.

— Моя мама?

— Семь лет назад.

— И ты выбрал остаться?

Он показал две белые ленты.

— Уже семь раз.

— Значит, она всё сделала правильно.

— Со мной — да.

Звонок прервал встречу. Иво встал и протянул ей карточку с номером, по которому можно было писать в любое время.

— Если кто-то попросит передать сообщение прежней семье, не соглашайся. Даже если кажется, что это мелочь.

Лея вспомнила синюю тетрадь дома и строку, удалённую из телефона.

— А если я сама захочу?

— Особенно тогда.

После школы Алина ждала за жёлтой линией для принимающих взрослых. Она стояла одна, без цветов и белой ленты. В руках держала бумажный пакет.

— У тебя был экзамен, — сказала она. — Я узнала только утром. В пакете копия материалов из школьной библиотеки. Не твоя тетрадь, но темы те же.

— Экзамен перенесли.

— Из-за перехода?

— Для всего класса. Учитель сказал, что иначе будет выглядеть, будто мне дали преимущество.

Алина кивнула.

— Разумно.

Мама назвала бы это трусостью школы, замаскированной под равенство. Лея почти произнесла эту фразу, но не захотела приносить мамин голос в первый разговор после уроков.

По дороге они купили синюю зубную щётку. Алина не спрашивала, что не так с зелёной. У кассы она положила в корзину корм для рыб.

Лея посмотрела на упаковку.

— У вас же нет рыбы.

— Уже нет.

— Тогда зачем корм?

Алина вернула пакет на полку.

— Привычка.

Дома дверь комнаты Эмиля оставалась закрытой. Теперь на ручке висел маленький ключ. В каталожной фотографии ключа не было.

Глава 6

Перед камерами Нике поставили стакан воды.

Она отодвинула его. Родители, которых заставляли говорить о переходе, часто держались за стакан обеими руками, и фотографии потом выглядели так, будто они просят подаяние.

Мара стояла за перегородкой вместе с пресс-секретарём. Через матовое стекло были видны только их силуэты. Пресс-секретарь поднял три пальца.

— Вчера моя дочь воспользовалась правом, которое восемнадцать лет назад получило первое поколение детей Лаверии, — начала Ника. — Её решение прошло установленную процедуру. Период тишины соблюдается. Я не буду сообщать сведения о принимающей семье или обсуждать возможные причины выбора.

В зале щёлкали камеры. Журналисты ждали другого: дрогнувшего голоса, обвинения, признания, что женщина с национального плаката плохо воспитала собственного ребёнка.

— Моя должность не даёт мне преимуществ перед другими взрослыми, — продолжила Ника. — И не должна давать. Если право существует только до тех пор, пока им пользуются дети других людей, это не право.

Последнюю фразу она уже говорила Эмме Эрн. Теперь Эмма наверняка смотрела трансляцию.

Руки у Ники лежали на столе. Спокойно, отдельно от стакана.

Первым поднялся журналист из вечерней газеты.

— Вы по-прежнему считаете семью Рааль безопасной?

Мара за перегородкой не шевельнулась.

Имя не публиковалось. Значит, кто-то передал карточку.

— Я не подтверждаю личность принимающих взрослых.

— Но вы знакомы с ними по предыдущему переходу их сына Эмиля?

На секунду Ника увидела банку с мёртвой рыбой на столе. Потом — жёлтую отметку и свою подпись.

— Я не обсуждаю закрытые дела несовершеннолетних.

— Эмиль погиб через два месяца после того, как вы запретили ему контакт с прежней семьёй. Вы считаете, что это не относится к безопасности вашей дочери?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.